В зимние дни начала 1943 года, дни освобождения оккупированных фашистами сел и городов Воронежской области, в боевые армейские части Советской Армии вливалось пополнение молодых парней призывного возраста. Доля их и героическая, и трагическая. Многие полегли в сражениях.

О судьбе одного из них, пропавшего без вести воина — наш рассказ.

Родные ждут солдата с того недоброго часа, когда почтальон принесла в семью Лазуренковых казенное письмо: ваш сын Михаил Степанович пропал без вести в феврале 1944 года.

В документе даже день был не означен. А тогда, 31 января, Михаилу исполнилось девятнадцать лет.

Убит? Попал в плен?

Горше не бывает...

Счастливый случай не обходил стороной приютившийся среди небольших дубрав степной хутор. Редко, но возвращались с фронта или вражеского плена земляки, без вести пропавшие.

Розыск не вернувшихся воинов вело Управление по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава в Наркомате — Министерстве Вооруженных Сил СССР через военные комиссариаты на местах.

20 марта 1946 года в райвоенкомат пригласили Анастасию Семеновну Рожкову, двоюродную сестру Михаила. Вместе со старшим лейтенантом Потапенко заполнили анкету.

«Лазуренко Михаил Степанович, 1925 года.

Уроженец хутора Переходин, Базянский (Базовский) сельсовет, Ольховатский район, Воронежская область. До призыва работал трактористом в колхозе «Свобода».

Призван Ольховатским РВК в 1943 году.

Красноармеец. Разведчик стрелковой части.

Письменная связь прекратилась в сентябре 1943 года.

Надо выяснить — погиб на фронте Отечественной войны во время нахождения в разведке...»

Ответ вновь пришел неутешительный: «Пропал без вести в феврале 1944 года».

У родных хранятся два фронтовых письма Михаила.

«Брат мой Гриша!

Я часто думаю о тебе.

Вспоминаю, как мы жили, работали. Вспоминаю, в общем, всю домашнюю обстановку.

А теперь не знаю, когда мы встретимся с тобой. Наверное, года через три. Если не погибну в боях за Родину. И буду лежать посреди украинской степи. Как тот убитый боец, помнишь, в некошеной траве на опушке Бендрикового леса. И так же схоже никто из родных не придет посмотреть на истерзанного сына или брата, не прикроет карих глаз сырой землей. И только, быть может, черный ворон прилетит за добычей, принесет мне весть от родных, которые много времени будут думать, что, мол, я еще жив. И только местные жители, нечаянно наскочившие на труп молодого юноши, с горестью посмотрят на меня и уйдут прочь, не сказав приветливого словечка. И я снова буду одиноко лежать в бурьяне под дождем и солнцем, под свистом ветра. И только стая воронов будет торжествовать о найденной добыче.

И вот через некоторое время вы получите весть: «Ваш сын пал на поле боя». Мамаша заплачет, отец понурит седую голову. А ты не плачь, дорогой братишка. Возьми тогда, молодой герой, винтовку и отомсти проклятому врагу за смерть своего брата. ОТОМСТИ! И тогда моим костям легче будет лежать на ветру в полях на широких украинских просторах.

Гриша, вот этот листок берегите с мамой! Это будет, наверно, единственная память от сына и брата!

Вот и все.

15 марта 1943 года.

Ваш сын и брат Михаил Лазуренко.

Приветы маме и отцу, тете Дуне и Шуре, бабушке, Жене и Люсе, дяде Васе и Толе, Марусе и Анне Ивановне. В общем, всем.

ЛАЗУРЕНКО.

Полевая почта 59256–б».

Грусть-тоску Михаила можно понять.

Он был солдатом без году неделя.

В середине января фашисты были выбиты наступавшими советскими воинами из его родимого хутора Переходино, его еще называли Яшное. Парня призвали в местный истребительный отряд. Курс молодого бойца он проходил считанные дни. Получил в руки оружие, в охранении сопровождал пленных итальянцев и немцев в пункты сбора. А вскоре необученных, необстрелянных, даже не одетых в шинели, в домашней гражданской одежке новобранцев спешно зачисляли в ряды красноармейцев. Сельская молодежь в освобожденных южных районах Воронежской области пополняла недоукомплектованные людьми пехотные стрелковые подраз-

деления третьей танковой армии генерала Павла Семеновича Рыбалко прямо в ходе Россошанско-Острогожской боевой операции.

Михаил Лазуренко перед войной

Победа в Сталинградской битве окрыляла всех — и командиров, и рядовых. Танкисты, а вслед за ними пехота с немалым числом бойцов-новичков, не нюхавших пороху, били и гнали на запад отборные вражеские части. Кто только ни зарился на славянские плодородные черноземы! Немцы, венгры-мадьяры, итальянцы, румыны, словаки, хорваты, финны...

Фашисты оставляли за собой выжженную землю — руину. Отступая, европейские цивилизованные крестоносцы «взрывали мосты на дорогах, разрушали и сжигали населенные пункты, безжалостно уничтожали мирное население». Так, в ночь на 13 февраля подразделения дивизии «Адольф Гитлер» вошли в поселок совхоза имени Фрунзе. Рабочие совхоза вместе с семьями пытались укрыться в погребах, но немецкие солдаты, обнаружив их, забросали погреба гранатами, а затем подожгли два дома с находившимися в них жителями. Выбегавших из горящих домов женщин, стариков, детей эсэсовцы расстреливали из автоматов. В эту ночь было убито 12 мужчин в возрасте от 17 до 62 лет, 12 женщин от 14 до 63 лет, 10 детей от 2 до 16 лет... Среди зверски расстрелянных оказалась семья А.М. Будыкина — жена Татьяна Петровна, сын Иван шести лет, дочери Раиса восьми лет, четырехлетняя Мария, двухлетняя Галина... При расстреле мальчика легко ранили, и он пытался убежать, но детоубийцы догнали его и со смехом убили. Об этом сообщалось в донесении Политуправления Воронежского фронта в Главное политическое управление Красной Армии.

У Михаила, у его отца Степана Романовича и мамы Евдокии Александровны были свои счеты к врагу. Вырывавшиеся из «котла» под Россошью итальянцы и немцы 24 января вновь заняли днями ранее освобожденное воронежское село Шелякино (ныне Советское Белгородской области). Озверелые фашисты связали председателя сельсовета Никанора Стратоновича Ерошенко, родственников Лазуренко — колхозного бригадира Павла Васильевича Склярова, его брата Игната Васильевича с сыном Александром, еще несколько человек. Всех уложили на снег рядами и стали давить танком. А когда казнимые люди стали откатываться в сторону, то искололи их штыками — так заставляли лечь под гусеничные траки.

Таким страшным событиям было несть числа.

Шестнадцатого февраля освободили лежавший в развалинах Харьков, в ту пору третий после Москвы и Ленинграда по экономическому развитию город Советского Союза, одна из промышленных столиц в довоенной стране.

Тут бы остановиться, перевести дух. Главное — вновь оживить железнодорожные пути, чтобы подтянуть к фронту резервы, тыловое обеспечение. Ведь новые танки и пушки, оружие, боеприпасы и горючку для техники, провиант и госпитали за сотни километров через заснеженное бездорожье на самолетах не перебросить.

Но, конечно, не одни боевые удачи кружили головы военных. Кто-кто, но они-то слышали, как родимая земля, родные люди стонали под сапогом оккупанта. На глазах же — враг бежит, хоть и ожесточенно огрызаясь. Сплошной линии обороны у него нет. И уже впереди, рукой подать, еще крепко скованный мощным льдом сверкает Днепр.

В Москве на стол Верховному Главнокомандующему ложатся донесения от надежнейшего, проверенного и перепроверенного «источника», от разведчика — прямо из ставки фюрера.

16 февраля. *«...прорыв русского танкового корпуса... сделал невозможным последовательный отход основных немецких формирований, как то предписывалось командованием. Все немецкие контратаки эффекта не дали... Немцы в состоянии растерянности, беспорядочно отступают, в основном без артиллерии и боеприпасов. Немецкий план постепенного отступления основной части войск... более неосуществим из-за неразберихи. Ожидаемые потери с немецкой стороны значительно превысят потери в Сталинграде... Снабжение по железной дороге... невозможно: линии и станции перегружены и неуправляемы».*

17 февраля. *«Цель немецкого сопротивления прорыву русских... ограничивается прикрытием отхода из излучины Донца... на Нижний Днепр».*

21 февраля: *«Последствия сдачи Харькова и крах быстро организованного фронта на реке Донец оцениваются (немецким) Генеральным штабом сухопутных войск как очень серьезные. С 17 февраля соединения и остатки более сорока немецких дивизий оказались под угрозой отсечения, гибели в безнадежных оборонительных боях и бесплодных контратаках, уничтожения преследующими их массами русских. В эти соединения входит почти половина всех танковых войск Германии и танков, оставшихся у немецкой армии и войск СС...*

Безразличие и фатальная безысходность быстро распространяются и весьма заметно подавляют боевой дух немецких войск во всех южных частях Восточного фронта, даже в резервах, которые еще не принимали участия в боевых действиях, но наблюдают, что происходит, со своих импровизированных позиций за линией фронта».

Как тут удержаться и — не продолжить наступление.

Утомленные советские танкисты с отчаянной смелостью и лихостью продолжили бег к Днепру. Передовые отряды 25-го корпуса генерала Петра Петровича Павлова внезапно вышли даже к Запорожью, почти на пушечный выстрел к аэродрому, на котором (кто бы знал!) под охраной стоял самолет Гитлера.

Обратим внимание. В эти трагичные для немцев дни, с 17-го и до вечера 19 февраля, фюрер со своей свитой в Запорожье. С ним было вермахтовское начальство — генералы генерального штаба Курт Цейтцлер и штаба оперативного руководства Альфред Йодль, а затем и фельдмаршал Эвальд фон Клейст. Гитлер совещался со своими соратниками в штабе фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Тут-то невольно вождь оказался чуть ли не под огнем противника, сам не зная о том. Да и наши воины, жаль, не ведали, какое воронье слеталось сюда на сходку.

Обстановка складывалась для фашистов не столь уж плачевной, как ее оценивали в отсутствие хозяина его старшие офицеры, штабисты в ставке фюрера, находившиеся далеко от полей сражений и самого Гитлера. Эти недостоверные секретные донесения, добытые нашей разведкой, в немалой степени породили ошибочные решения по цепочке — из Москвы к командующим фронтам и армий, от командиров дивизий, корпусов к командирам полков, бригад и батальонов.

Стратегическую инициативу перехватили немцы. Они будто очухались, очнулись, в полководческом таланте им не откажешь, — быстро собрали силы, расставили их в оперативно выгодные места, и — внезапно нанесли жестокие удары по наступающим советским войскам.

Стало ясно: фашисты — ой, еще как сильны. И после Сталинграда они не совсем скисли, не привыкли отступать. Спустя месяц, 16 марта, советские войска отступили, вновь оставили Харьков. В оборонительных боях в днепровском меж-

дуречье за просчеты снова, как весной и летом 1942 года, расплачивались большой кровью. Гибли, пропадали без вести рядовые и генералы. И в который раз нас спасительно прикрыли берега Северского Донца.

Разведчики, «сто и одиннадцать дней спустя», искупят свою вину — добудут секретные гитлеровские планы решающего сражения второй мировой войны на Курской дуге.

А пока вырвавшиеся из вражеского окружения и отступившие от Харькова обескровленные части и соединения третьей танковой армии занимали оборону по восточному берегу Северского Донца «на участке между селами Старый Салтов и Хотомля». Из штаба армии 17 марта военному совету бронетанковых и механизированных войск Красной Армии был направлен рапорт с отчетом об ожесточенных боях с 14 января по 12 марта 1943 года с просьбой о выводе в резерв для «восстановления и доукомплектования».

Печально горьки потери.

Важен изложенный командованием итог:

«В ходе напряженных боевых действий, особенно, если операции следуют одна за другой, не должно увлекаться «войной до последнего солдата». Необходимо после одной-двух наступательных операций делать на выгодных рубежах и в соответствующей обстановке оперативные паузы для приведения частей в порядок, для их перегруппировки, для отдыха уставших войск, для принятия и освоения вливающегося пополнения, для подтягивания и налаживания службы тыла.

Такие паузы с закреплением на достигнутых рубежах необходимы и для организации активной обороны против новых и свежих контратакующих сил противника, уничтожения их авиацией на дальних подступах...

С выходом на рубеж Валки, Новая Водолага все элементы обстановки настоятельно диктовали переход армии к обороне, хотя бы временно, так как противник показал свою стойкость и упорство, подбросил свежие силы, а войска армии в беспрерывных упорных боях были ослаблены.

Став на оборону, армия имела бы время сделать оборонительные рубежи неприступными, а далее, измотав контратакующего противника, перейти к наступлению и выполнению дальнейшей операции.

В этом случае вряд ли и Харьков был бы сдан противнику обратно...»

Генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко в известной книге воспоминаний «Генеральный штаб в годы войны» так подытожил основные причины некоторых наших неудач и несбывшихся надежд зимой 1943 года:

«Думается, что на фоне крупных побед, одержанных нашими войсками под Москвой и Сталинградом, у отдельных военачальников, в том числе и в Ставке, и в Генштабе, возникла известная недооценка возможностей противника. Это отрицательно сказалось на подготовке некоторых операций, повлекло за собой огульность нашего наступления на харьковском направлении, к Днепропетровску и Мариуполю. Очевидно, было бы благоразумнее еще в январе приостановить наступление Воронежского и Юго-Западного фронтов, перейти временно к обороне, подтянуть тылы, пополнить дивизии людьми и создать необходимые запасы материальных средств.

Заключительный этап наступления этих двух фронтов зимой 1943 года характеризовался разбросанностью сил. Мощные ударные группировки на главных направлениях фактически отсутствовали.

Наконец, нас очень подвела разведка, и мы жестоко ошиблись, определяя намерения противника.

...Хотя, еще раз подчеркиваю, в целом итоги зимней кампании были для нас успешными. Наступательная сила Советской Армии возросла».

Танкистов выведут в тыл, где обновленную армию поименуют — третья гвардейская. Пехота осталась в окопах и траншеях на восточном левом речном берегу Северского Донца. Михаил Лазуренко и его товарищи влились в прибывшую на здешний оборонительный рубеж общевойсковую 57-ю армию, которая рядом освобождала Ворошиловоград, ныне Луганск, Луганскую область. Гвардейцем в ее 38-м полку 14-й гвардейской стрелковой дивизии будет дальше воевать наш земляк.

А мы еще раз вчитаемся внимательней в письмо Михаила.

Можно представить: писал он весточку родным в открытом поле и в непривычной тишине. «Генерал Грязь» на время весенней распутицы приостановил сражения. Впереди в западном заречье в нашу землю вгрызался враг. Отступать бойцу некуда. Позади — в трех-четырех дневных пеших маршах — родные, спрятавшийся в нагорных дубравах родимый хутор Переходино.

Сполна пережил солдат в минувшие два месяца радость побед и горечь поражений, потерю товарищей по оружию. Но Михаил не сломился. Главная мысль в письме младшему брату: чтобы ни случилось со мной — ОТОМСТИ клятому врагу! Молодой боец жил с верой: наше дело правое, мы победим!

Его армия держала оборону по Донцу и до поры, до времени прикрывала от внезапного вражеского удара с юга наши войска, сражавшиеся в Курской битве. Двенадцатого августа полки дивизии тоже пошли в наступление на Харьков. В числе первых ворвались в город и освободили территорию тракторного завода, южные городские кварталы. Немцы превратили город в крепость, опоясанную противотанковыми рвами, минными полями, долговременными огневыми точками, уличными баррикадами, оседлали высоты и укрылись в лесных зонах. Бои шли жестокие. За освобождение Харькова личному составу дивизии объявили благодарность И.В. Сталина. Воины и дальше громили врага в полях, селах и городах Харьковской и Днепропетровской областей. Их «дорожная карта» — Мерефа, Новая Водолага, Красноград, Зачепиловка, Царичанка, Пушкаревка...

Сохранилось еще одно письмо Лазуренко этих дней.

Уже бывалый и закаленный в боях воин написал его и отослал в адрес редакции Ольховатской районной газеты «Коллективист». Оно было напечатано в номере от 30 сентября 1943 года.

МЫ У ДНЕПРА!

Здравствуйте, дорогие колхозники! Примите привет от гвардии красноармейца Михаила Лазуренко.

Наша часть твердо идет на запад. Сегодня, в пасмурное сентябрьское утро, мы подошли к седому Днепру. Фашистская сволочь цепляется за каждый куст, за каждый холмик. Но что может остановить волю гвардейцев? Ничто!

Мы спешим вперед. Наше желание — быстрее освободить от фашистских захватчиков нашу родную землю. Обещаю еще сильнее громить гитлеровцев. А вы получше работайте в тылу.

Вот все, что я хотел вам написать, дорогие мои земляки.

До скорой встречи!

Гвардии красноармеец Михаил Лазуренко.

Полевая почта 59256–б.

В душе у молодого солдата прорастал поэтический мужественный дар, на тетрадный лист ложились слова — до боли трогающие сердце. И писал их быстро повзрослевший закаленный воин. Свидетельством тому — хранящийся в архиве

Министерства Обороны приказ командира полка Афанасия Ивановича Захарченко. От имени Верховного Совета СССР он награждает главной солдатской медалью «За отвагу» своих бойцов.

Среди них третьим по списку в документ занесен «разведчик взвода пешей разведки гвардии красноармеец Лазуренко». Каким был взвод «пешей разведки»? Возглавляли его лейтенант и политрук. В штате числились пять сержантов и сорок шесть рядовых. Вооружение: 4 пистолета, 14 пистолетов-пулеметов, 2 винтовки, 30 самозарядных винтовок, 4 ручных пулемета; транспорт не полагался.

Михаил отмечен «за смелые действия у хутора Колесники, где вместе с товарищами атаковал группу немцев и захватил двух пленных, две рации, два телефонных аппарата». В разведку с украинцем Лазуренко в тот час ходили гвардии красноармейцы — русский Григорий Павлович Королев, почти земляк из Тарасовского района Ростовской области, татарин с Урала Манцур Садыров и Вячеслав Александрович Чекан, белорус с Полесья. Все парни сельские, колхозники, комсомольцы и беспартийные.

Хутора с названием Колесники были и есть в России, Белоруссии, Украине. Появлялись они там, где селились мастера колесных дел. Этот хутор, где разведчики удачно вели поиск в тылу врага, ныне уже исчезнувший, находился близ села Староверовки Нововодолажского района Харьковской области. В здешних местах для бойца пролегал путь на запад. Здесь поэт-воин Тимошечкин, тоже Михаил, напишет пронзительные строки:

Ночью в тьмущую тьму
Брел, шатаясь, устало,
Рядом с теми, кому
Утром пасть предстояло.
С плавмостков на Днепре
Прыгал в черную воду...
Было то в октябре
Сорок третьего года...

А еще восьмого августа Гитлер вновь навестил Запорожье. Кто знал, что это был его последний визит в так и не покоренный Советский Союз. Вместе с фельдмаршалом Манштейном, изучая штабные карты, уже не говорили о новых наступлениях. Неудалые завоеватели до самого отлета фюрера говорили и прикидывали, как быстрее закрепиться на берегах Днепра и создать непреодолимый Ostwall — Восточный вал.

Сплошной линии противостояния по фронту не было. Потому к Днепру спешили все. Отступавшие фашисты надеялись осенью-зимой отсидеться за широкой рекой, до середины которой, вспомним незабвенного Николая Васильевича Гоголя, «редко какая птица долетала». Напротив, прорывавшиеся во фронтовые бреши-прогалы красноармейцы рассчитывали с ходу форсировать речную преграду, чтобы и на том берегу не дать укрыться немчуре, чтобы заставить вражеские армии и дальше пятиться и бежать в свое логово. Из освобожденной Полтавы оживляли движение по железнодорожной чугунке. «Вслед за солнцем» в сторону Киева отправляли уральские военные составы с новенькими танками и пушками.

Полки 14-й гвардейской дивизии солдата Михаила Лазуренко вышли к Днепру на исходе сентября у села Шульговка близ Днепропетровска. Здесь дивизия получила приказ — создать плацдарм вначале на острове, а затем и на левом берегу у села Пушкаревка близ Верхнеднепровска. Хозяевами на острове уже были окопавшиеся немцы. Разведчики лазуренковского 38-го полка днем пригляделись, где можно незамечено высадиться на песчаную косу. Нашли три рыбачьи лодки.

В темную осеннюю ночь на 25 сентября капитан Александр Федорович Кува-

шев, богатырь недюжинной силы, сумел скрытно переправить на остров свой батальон. Скрытно подобрались прямо к вражеским траншеям. Когда светало, комбат сам поднял бойцов в атаку.

Сошлись, схлестнулись врукопашную. Кувашев, кавалер ордена Александра Невского, уложил шестерых фашистов и пал наземь, сраженный пулей.

Яростного натиска фашисты не выдержали, отступили.

Комбата нашли убитым в окружении поверженных врагов. В селе Пушкаревка его и похоронили в братской могиле вместе с боевыми товарищами. Среди них был заместитель командира батальона по политической части Иван Захарович Сидоров. Обоим посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

С кем еще и как воевал на Днепре наш земляк Лазуренко? Численность полка — около двух с половиной тысяч человек. В боевых буднях дороги Михаила могли пересекаться с Кувашевым и Сидоровым. Вместе с ними он воевал с Северского Донца. И еще с одним Героем «за Днепр» — Павлом Семеновичем Ханжиным. Он был на год старше, командовал взводом разведки, в бою на острове остался живым. Ханжину, одному из немногих однополчан Михаила, посчастливится — войну закончит в Германии, под Берлином, продолжит служить офицером в армии.

Дивизия вскоре заняла Верхнеднепровский плацдарм. Откуда и началось освобождение Криворожья — «железной кладовой» страны.

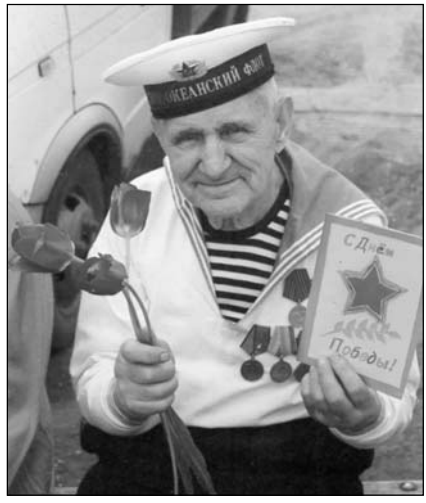
Те фронтовые дни так запали в душу поэту, почетному гражданину города Россошь Михаилу Тимошечкину, годку и земляку Лазуренко —

Давили землю танковые части,
И над плацдармом поднимался дым.
И понял я, что истинное счастье —
Побыть на этом свете рядовым.
Но шла война. Налеты, развороты,
Бросок к Кривому Рогу от Днепра...
И вот уже ни взвода и ни роты,
Ни батальона — только номера.
Сколачивалась сводная пехота.
Другие все — кто вышел из огня.
Но, помню, командир соседней роты
Окликнул по фамилии меня...

В конце декабря 14-ю гвардейскую дивизию перебросили чуть севернее, в Черкасскую область. Тарас Григорьевич Шевченко был бы рад — его родимые места очищали от фашистской нечисти. Здесь в январе-феврале 1944 года готовилась и гремела Корсунь-Шевченковская операция. Дивизия вошла в состав 53-й армии 2-го Украинского фронта. Михаил Лазуренко участвовал в окружении и уничтожении большой группировки противника.

Очередной для фашистов Сталинград, «котел под Черкассами» — так именуют это сражение сегодня немецкие историки. По их разумению, потерпели они здесь поражение (потеряв 55 тысяч убитыми и 18,2 тысячи человек пленными) по вине фюрера и генералов «Мороз» и «Грязь». Адольф Гитлер не разрешил своевременно отвести войска от днепровского Восточного вала. А далее «вмешались боги погоды. Русская зима 1941–42 года была самой морозной и снежной за последние 140 лет. А такой короткой и теплой зимы, как в 1943–44 году на юге Восточного фронта, не помнили и старожилы. До 5 февраля Украина была укрыта снегом толщиной около 60 сантиметров, стояли морозы до минус 15 градусов. Но уже на следующий день неожиданно с юга вторгся теплый воздух. Солнце, проливной дождь и теплый ветер, слившись, принесли бурную оттепель, которая вызвала гораздо раньше, чем обычно, обширную распутицу — за один-единственный день черно-

земная украинская степь превратилась в глубокое вязкое месиво, с наступлением ночных холодов снова застывавшее, как камень. В этом бездонном болоте немецкие танковые и моторизованные соединения застряли уже на третий день и не смогли своевременно преодолеть пространство», чтобы пробить путь и выйти из котла окружения.



Григорий Лазуренко — младший брат

Михаил Лазуренко в составе своей дивизии и полка наносил «отвлекающий удар в направлении на райцентр Малая Виска Кировоградской области». Здесь, в украинских черноземных степях, навсегда затерялся след солдата. Случилось с ним то, чего страшился каждый. «А я боялся на войне, / Чтоб сонным в плен не захватили / И чтоб случайно не убили / От взвода где-то в стороне. // Чтоб бомбою в глухом овраге / Не уложило наповал, / Чтоб не пришли домой бумаги / О том, что без вести пропал...»

Пришло родным страшное известие. В той бойне немцам было не до пленных, тут бы самим живыми выбраться. Теперь только земля знает, сколько своих верных сынов накрыла она навсегда черноземным пологом...

Младший брат Михаила — Григорий — День Победы встречал шестнадцатилетним, не мог отомстить за брата. Его уже после войны призвали на морскую службу на Тихоокеанский флот. В руки вручили не оружие, а сварочный аппарат. Старший матрос занимался текущим ремонтом подводных лодок. Профессия сварщика металла на всю жизнь пригодилась на гражданке. В ближнем к исчезнувшему хуторку городу Россошь сполна и достойно отработал на объектах «Водстроя».

Брат Гриша и его дети, внуки, правнуки хранят память о Михаиле Степановиче. Девятого мая он с ними на параде в строю «Бессмертного полка».

Короткая жизнь Михаила Лазуренко, навечно оставшегося девятнадцатилетним — ответ тем, кто сегодня предает Воина Победы. Кто вольно или невольно предает его товарищей, сладкоречиво воркует: «Лучше бы проиграли войну. Жили бы припеваючи, с немецкой колбаской да баварским пивом».

А давайте вчитаемся в речи Гиммлера, подельника фюрера. 4 октября 1943 года. Он выступает в Познани перед командирами войск СС: «Большинство из нас знает, что означает видеть перед собой сотни трупов, лежащих рядом, пятьсот или тысяча трупов... Такую страницу в нашу историю еще никто не вписал, подобная страница никогда более не будет написана. Что происходит с русскими или чехами — мне абсолютно безразлично. Живут ли другие народы комфортабельно или они гибнут от голода, интересует меня только в той мере, в какой мы нуждаемся в них, как в рабах для нашего рейха. Если 10 тысяч русских женщин гибнут от голода, копая для нас танковые траншеи, то меня это интересует только с точки зрения готовности этих траншей для Германии. Мы, немцы, являемся единственным народом на земле, который достойно относится к животным, мы можем занять достойную позицию и в отношении человеческих животных, но было бы преступлением против нашей собственной крови проявлять о них заботу и передавать им наши идеалы». 6 октября Гиммлер там же развивает затронутую тему:

«Что же относительно женщин и детей? Здесь есть совершенно ясное решение. Какой смысл уничтожать взрослых, позволяя оставаться жить мстителям — их детям расти среди наших детей и внуков?»

На следующий день в концлагерь Освенцим привозят 1260 детей.

Известный писатель и общественный деятель Валерий Николаевич Ганичев в книге «Листая версты дней» приводит разговор с маршалом Жуковым:

«Перед расставанием и прощанием я решился и задал неожиданный вопрос: «А все-таки, Георгий Константинович, почему мы победили?»... Маршал помолчал и сказал: «Хороший вопрос, важный. Ведь на начало войны мы были слабее, а они опытнее. Мы многому учились и изучали раньше у немецких генералов — Шлиффена, Клаузевица, Мольтке... Прусский офицер — это настоящая многовековая военная косточка. Немецкая армия всю Европу прошагала, и Францию, и Бельгию, и Данию, и Норвегию, и Грецию, и Чехословакию. Все перед ней склонились. Немецкая техника была лучше в массовом производстве — их танки, их самолеты, их пушки. — Маршал помолчал, взор его как бы затуманился, и он сказал нам важные и сокровенные слова: — Вот когда завертелась война, захрустели регулярные войска, оказалось, что у нас был лучший молодой солдат. Да, у нас был лучший, хорошо подготовленный идеологически, душевный, молодой, готовый к боям солдат!..»